

РЕЦЕНЗИИ

ЭО, 2008 г., № 4

© Ю.Д. Анчабадзе. Рец. на: *Л.М. Варданян. Степан Лисициан и истоки армянской этнографии*. Ереван: Гитутюн, 2005. 422 с., ил.

Степан Данилович Лисициан (1865–1947) – видный армянский ученый-этнограф, просветитель, педагог, литератор, один из самых видных деятелей культурного движения в республике первой половины XX в. Его жизнь – яркий пример неутомимого служения родному народу на самых разных поприщах практической и интеллектуальной деятельности. При этом творческое наследие С.Д. Лисициана охватывает столь разные сферы гуманитарного знания, что однозначно определить его профессиональную стезю не представляется возможным. В то же время имя ученого неразрывно связано со становлением и развитием этнографической науки в советской Армении, что обуславливает наш интерес к этой фигуре. Рецензируемая книга ведущего научного сотрудника Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, доктора исторических наук Лилии Мартыновны Варданян этот интерес во многом удовлетворяет.

Естественно и закономерно, что книга открывается биографической главой, посвященной основным этапам жизненного пути С.Д. Лисициана. Он родился в Тифлисе в интеллигентной семье, у членов которой стойкие демократические убеждения сочетались с глубокой духовностью и любовью к народной культуре. Историческое образование С.Д. Лисициан получил сначала в Новороссийском (Одесском), а затем в Варшавском университете, по окончании которого в 1889 г. приступил к преподавательской деятельности в одном из лучших учебных заведений Армении того времени – семинарии Геворкян, принадлежавшей Эчмиадзинскому патриаршему престолу. После столкновения с начальством (позиция, которую в этом конфликте занял молодой преподаватель, ярко свидетельствовала о его демократических убеждениях) он в 1891 г. возвращается в родной город. В многонациональном Тифлисе, где армяне составляли весьма значительную долю населения, а армянские культурные традиции имели давние исторические корни, началась многогранная и плодотворная деятельность С.Д. Лисициана на научном, педагогическом, литературном, издательском и общественном поприщах. Здесь же он обратил свое внимание и на сферу этнографических исследований.

Каковы истоки этнографических интересов ученого? Л.М. Варданян справедливо полагает, что они выросли из более общего интереса к проблемам истории и культуры армянского народа, которые проявились у молодого человека еще на студенческой скамье. Думаю, важное значение имели и другие обстоятельства. Вероятно, повлиял и тот факт, что Тифлис был крупнейшим центром армянской этнографической науки. С 1900 г. здесь функционировало Этнографическое издательское товарищество, преобразованное в 1906 г. в Армянское этнографическое общество. Под его эгидой выходила армянская этнографическая периодика – "Азгагракан андес" ("Этнографический журнал") и другие издания, посвященные истории и культуре Армении, работал Армянский этнографический музей, специализированная библиотека. С.Д. Лисициан имел возможность общаться с жившими и работавшими в Тифлисе выдающимися армянскими этнографами Ервандом Лалаяном, Хачатуром Самвеляном и др. Да и сама атмосфера полиэтничного города, разнообразие полнокровных этнических традиций будили определенные исследовательские интересы.

Поэтому мнение о том, что свои занятия на поприще этнографии С.Д. Лисициан начал лишь после того, как в 1921 г. стал научным сотрудником базировавшегося в столице Грузии Кавказского историко-археологического института (до этого, пишет автор, он "вплотную этнографи-

ей не занимался"), нуждается, на мой взгляд, в некотором уточнении. Собственно говоря, С.Д. Лисициана пригласили в КИАИ "как арменоведа с преимущественным уклоном к этнографии и этнологии", следовательно, к тому времени он уже зарекомендовал себя как хорошо подготовленный и знающий специалист в данной отрасли знания. Блистательные результаты, полученные Лисицианом в первой же своей экспедиции в Зангезур и Нагорный Карабах, где он, по словам Л.М. Варданян, "проявил себя как зрелый этнограф" (с. 111), также были бы невозможны без предшествующего научно-практического опыта, а не только без "богатого опыта занятий арменистикой", которым автор объясняет "естественность и органичность", с которой С.Д. Лисициан вошел в этнографическую науку.

В 1924 г. С.Д. Лисициан переезжает в Ереван, решив, наряду с другими вернувшимися на родину видными армянскими деятелями, внести свой вклад в социальное и культурное развитие советской Армении. С этого периода начинается самый плодотворный период его деятельности, который в профессиональном отношении в значительной степени был связан с этнографической проблематикой. С.Д. Лисициан выезжает в экспедиции, много сил отдает становлению в республике краеведческого движения, вносит огромный вклад в организацию этнографического музееведения, ведет активную преподавательскую работу, наконец, занимается научно-исследовательскими изысканиями. Л.М. Варданян подробно и обстоятельно освещает главные направления и результаты его многогранной деятельности, которая не может не вызвать чувств восхищения и благодарности неутомимому труженику и культуртрегеру.

Важнейшей стороной деятельности С.Д. Лисициана была его полевая экспедиционная работа. Л.М. Варданян удалось восстановить маршруты большинства его экспедиций, которые охватывали практически все зоны исторического проживания армян. Работая в поле, С.Д. Лисициан стремился охватить как можно больше объектов этнографического быта, относящихся к сфере как материальной, так и духовной культуры. Поэтому его полевые дневники (Л.М. Варданян подробно и скрупулезно их анализирует) – это кладь разнообразной информации, в том числе визуальной. С.Д. Лисициан имел хорошие навыки рисовальщика, о чем свидетельствуют его экспедиционные зарисовки, которыми щедро иллюстрирована монография. Выполненные твердой рукой, четкой линией, с точным глазомером, рисунки передают контур, размер, объем, фактуру изображаемого объекта и воспринимаются ныне как ценнейшая фиксация элементов традиционного, во многом уже ушедшего быта.

Однако, знакомясь с полевыми материалами С.Д. Лисициана, невольно отмечаешь, что они порой весьма актуализированы, особенно в контексте некоторых трагических событий новейшей истории. Так, С.Д. Лисициан много работал среди армянских беженцев из Турции, собирая материал по их новому быту и процессам адаптации к изменившимся условиям жизни. При нынешнем внимании этнографии к исследованию мигрантских, в том числе беженских групп, которых, увы, в нашем мире не становится меньше, материалы С.Д. Лисициана могут представить немалый интерес.

В целом страницы, посвященные экспедиционной деятельности С.Д. Лисициана, написаны чрезвычайно живо и увлекательно. Мельчайшими штрихами, деталями, подробностями автор воссоздает рабочую обстановку экспедиций того времени, рассказывает о достижениях сезона, о трудностях, которые приходилось преодолевать. В повествовании приведено много интересных, реальных эпизодов, отражающих полевую жизнь этнографа – для нас, членов этнографического цеха, также имеющих опыт полевых исследований, хотя и отстоящий во времени от описываемого на десятилетия, они всегда важны и поучительны.

Анализируя вклад С.Д. Лисициана в развитие армянской этнографии, Л.М. Варданян выделяет его роль в становлении краеведческого движения. Заслуга автора в том, что история развития краеведения в Армении, как и анализ деятельности С.Д. Лисициана в этой сфере, даны на фоне основных этапов развития краеведения в СССР. Как известно, это одна из самых замечательных страниц культурного развития страны первого советского десятилетия. Поддерживаемое поначалу государством, краеведческое движение в 1920-е годы обрело невиданный размах. Оно охватило самые широкие слои населения, выдвинуло немало талантливых энтузиастов, которые с воодушевлением изучали историю и культуру родного края. Армения не была исклю-

чением, при этом центральной фигурой краеведческого движения в республике стал С.Д. Лисициан, выступивший его теоретиком, организатором и практиком.

Представляя теоретические воззрения С.Д. Лисициана, автор отмечает, что в его интерпретации цели и задачи краеведения имели весьма расширительное толкование. Действительно, С.Д. Лисициан считал, что задачей в данном случае должно стать комплексное, или, как он писал, "всестороннее", "синтетическое" изучение края, поэтому неудивительно, что в его концепции одной из задач краеведения объявляется изучение "производительных сил". Безусловно, в этом усматривается некое влияние политически ангажированных воззрений того времени; характерно, например, что видный марксист А.М. Деборин, выступая на заседании Президиума Комакадемии, предлагал "отказаться от такого устаревшего термина, как краеведение", заменив его на "изучение производительных сил" (АРАН).

В то же время С.Д. Лисициан исходил из конкретных задач арменоведческих исследований. Подводя итог дореволюционным работам в этой области, он отмечал, что "хозяйственные вопросы охватывались ими (краеведами-этнографами. – Ю.А.) в значительно более слабой степени". С этой точки зрения концентрация внимания на проблемах хозяйственно-экономического быта являлась весьма своевременной и неотложной задачей краеведческого изучения края.

Возглавляя в 1925–1928 гг. Центральное бюро краеведения Армении, С.Д. Лисициан, преодолевая немалые трудности, организовал многочисленную, разветвленную и эффективно действовавшую корреспондентскую сеть, которая за сравнительно короткие сроки (вспомним, что краеведческое движение в СССР было разгромлено уже в начале 1930-х годов) позволила наладить сбор соответствующих сведений и материалов почти по всей территории республики. Энтузиазм и энергию, с которыми С.Д. Лисициан взялся за организацию краеведческого движения в республике, Л.М. Варданян объясняет тем, что, помимо научных задач, он видел в краеведении канал действенной помощи планам народнохозяйственной реконструкции Армении. В цитируемых записях С.Д. Лисициана содержится немало размышлений о важности материалов "по изучению промышленности, обследованию торговли, положения наемного труда ... наблюдениям фенологическим, гидрометрическим" и т.д.

Однако важнее, что Л.М. Варданян, хотя и вскользь, но обратила внимание на другое обстоятельство: С.Д. Лисициан большое внимание уделял просветительно-образовательным функциям краеведения, заботился о внедрении краеведческих знаний в широкие массы, о привлечении последних к практической работе в области краеведения. Мне кажется, именно это было основным побудительным мотивом для энергичной деятельности С.Д. Лисициана по организации краеведческой деятельности в республике. Во многом это обуславливалось жизненным опытом и личностной самоидентификацией ученого. Всю жизнь оставаясь верным своему первому призванию – учительству, С.Д. Лисициан видел в краеведческой работе огромный воспитательный и образовательный потенциал. Приближенность краеведческой работы к местным условиям, вовлеченность в нее самых разных слоев населения (в том числе детей, школьников, чему С.Д. Лисициан придавал первостепенное значение), практическая функциональность краеведческих знаний воспринимались им как действенные направления общекультурного воспитания, гражданской социализации и гуманизации действительности¹.

Педагогическое призвание С.Д. Лисициана раскрылось еще в одной ипостаси его этнографической деятельности. Он выступил пионером внедрения цикла этнографических дисциплин в систему высшего и специального образования Армении. На фоне повествования об изнуряющей борьбе ученого с чиновничье-бюрократическими рогатками на пути признания этнографии полноправным и необходимым элементом образовательного процесса, Л.М. Варданян обстоятельно проанализировала научно-методологические подходы С.Д. Лисициана к этнографическому образованию, его представления о познавательной сущности и содержании этнографии как учебной дисциплины, собрала сведения о всех лекционных курсах, которые читал С.Д. Лисициан в Ереванском университете. Не оставлена без внимания система его преподавательской работы с аспирантами и соискателями (характерна трогательная деталь: предчувствуя близкий уход, С.Д. Лисициан горестно восклицал: "На кого я оставляю своих аспирантов").

Л.М. Варданян уделяет немало внимания лекторской деятельности С.Д. Лисициана, но хотелось бы подробнее узнать о важных деталях: каков он был на кафедре, какова была манера устного изложения материала, что было главным и запоминающимся в Лисициане-лекторе. Эти важные штрихи могли бы стать существенным дополнением к личностному портрету преподавателя и ученого, тем более, что ввести их в повествование, вероятно, не составило бы большого затруднения, проведя интервью с его бывшими студентами.

Большой раздел монографии посвящен анализу музееведческой деятельности С.Д. Лисициана. Как и другие главы, он построен Л.М. Варданян преимущественно на анализе архивных документов, что в целом, безусловно, придает исследованию источниковую фундированность и глубину. Архивные документы делают обоснованными выводы автора о выдающейся роли, которую сыграл С.Д. Лисициан в организационном становлении музейного дела в советской Армении, в обеспечении его научно-методологическим и концептуальным базисом.

Наконец, еще один большой тематический раздел монографии анализирует научное наследие С.Д. Лисициана, прежде всего его хорошо известные в кавказоведении работы "Очерки этнографии дореволюционной Армении", а также вышедшие посмертно фундаментальные труды "Армяне Нагорного Карабаха", "Армяне Зангезура" и др. Многие из этих исследований уже становились предметом специального рецензионного анализа (Страницы 1992; *Тер-Саркисянц* 1993), однако Л.М. Варданян имела возможность более подробно и обстоятельно остановиться как на научном, так и историографическом аспекте этих трудов. При этом историографический фон научной биографии С.Д. Лисициана значительно расширен за счет включения большого числа его неопубликованных работ. Л.М. Варданян выявила эти рукописи в архивах, провела скрупулезную работу по их датировке, показала, какой ценнейший историко-этнографический материал они содержат, посетовав, что пока он не привлек должного внимания специалистов.

Очевидно, что главная исследовательская цель автора – воссоздание научной биографии своего героя, и это полностью удалось. Тем не менее у меня осталось ощущение некоторой недосказанности или незавершенности портрета. В современном биографическом дискурсе, особенно, когда объектом исследования является ученый, как, впрочем, и любой человек, важно осмысление всего спектра интеллектуальной рефлексии индивида. Так, важно было бы, на мой взгляд, полнее охарактеризовать общественно-политические взгляды С.Д. Лисициана; о них говорится применительно к дореволюционному периоду, однако их эволюция в советские годы обойдена молчанием, что мне представляется неоправданным. Общественно-политическая позиция С.Д. Лисициана сыграла немаловажную роль не только в перипетиях его жизни и судьбы (вспомним решение поменять Тифлис с его налаженным бытом на первоначальную неустроенность жизни в Ереване), но во многом определяла целевую и объектную направленность его исследовательских и профессиональных интересов.

Л.М. Варданян отмечает, что "важнейшими свидетельствами жизни" ученого являются его письма, поэтому было бы желательно полнее использовать источниковые возможности эпистолярного наследия, что позволило бы наполнить образ С.Д. Лисициана живыми, индивидуальными чертами. Хотя, должен сказать, что в ряде случаев автор представил немало проникновенных страниц, на которых мы видим Лисициана – человека со всеми естественными движениями его души и сердца: таков он страдающий (гибель сына и внука), негодующий (в борьбе с бюрократическими проволочками), нежно-заботливый (во взаимоотношениях со студентами и аспирантами), охваченный искренним патриотическим порывом (невозможно без волнения читать эмоциональное обращение к правительству уже глубоко пожилого человека, желающего принять участие во всенародной борьбе с фашизмом и просящего "использовать мои силы, где будет признано целесообразным партией и правительством... Дайте и мне возможность схватить за рукоять меч, занесенный над головой фашистской гидры").

Завершая рецензию, отмечу, что перед нами один из самых значительных примеров исследовательской монографии, выполненной в столь редко встречающемся у нас жанре научной биографии. Однако примечательно, что конкретный материал неизбежно вывел автора за пределы этого жанра. Созидательная деятельность С.Д. Лисициана оказалась так тесно связана с развитием армянской советской этнографии, что книга по существу посвящена ее истокам, становле-

нию и эволюции. Опубликованная на русском языке монография открывает перед широким читателем интереснейшую главу истории нашей науки, неразрывно связанную с именем Степана Даниловича Лисициана.

Примечание

¹ В этом отношении С.Д. Лисициан разделял ожидания многих деятелей отечественной науки, возглавлявших большие надежды на культурную роль массового краеведческого движения в одичавшей постреволюционной России. Н.П. Кондаков, например, считал, что в стране "через краеведение постепенно вернется интерес к гуманитарным наукам". – Цит. по: *Тункина* 2001: 653.

Источники и литература

АРАН – Архив Российской академии наук. Ф. 305. Оп. 1. Д. 319. Л. 14.
Страницы 1992 – Страницы отечественного кавказоведения. М.: Наука, 1992.
Тер-Саркисянц 1993 – *Тер-Саркисянц А.Е.* Рец. на: *С.Д. Лисициан.* Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван, 1992 // *Этнограф. обозрение.* 1993. № 2.
Тункина 2001 – *Тункина И.В.* Академик Н.П. Кондаков: последние годы жизни (по материалам эпистолярного наследия) // *Мир русской византистики.* СПб., 2001.

ЭО, 2008 г., № 4

© **О.П. Илюха.** Рец. на: *P. Hakamies, O. Fišman. Unelma uudesta Karjalasta: Neuvosto-Karjala valokuvissa 1920- ja 1930-luvulla / П. Хакамиес, О. Фишман. Мечта о новой Карелии. Советская Карелия в фотографиях 1920–1930-х годов.* Helsinki; Pietari: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, 2007. 116 s.

книги-альбома, изданного Финским литературным обществом, 70 фотоснимков из коллекции Российского этнографического музея.

Карелия всегда привлекала внимание фотографов. С конца XIX в. путешественники стремились запечатлеть зрительные феномены карельской культуры. Великолепные фотоснимки дореволюционной поры выполнены И. Инхой, С. Паулахарью, И. Кианто, М.А. Круковским, И.А. Никольским. Сохранились замечательные портреты и панорамные съемки, выразительные обрядовые сцены, виды жилищ и одежды.

В советское время фотография приобрела ярко выраженное пропагандистское значение. В рецензируемой книге, документирующей сложные и трагические годы, представлены фотогра-

Российскими и финляндскими исследователями за последнее десятилетие опубликовано немало работ о Карелии 1920-х – 1930-х годов. Еще один взгляд на Карелию того времени – сквозь фотообъектив участников этнографических экспедиций – представили в своей совместной работе известные исследователи карельской культуры О. Фишман, заведующая отделом этнографии народов Северо-Запада и Поволжья Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), и П. Хакамиес, научный сотрудник Карельского института Университета Йёнэсуу (Финляндия). В основе

Ольга Павловна Илюха – кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН; e-mail: iljuha@krc.karelia.ru